

**«ИРОНИЧЕСКИЙ АВАНГАРД» КАК ОДНО ИЗ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ
ТЕЧЕНИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
В РАССКАЗЕ В.ПЬЕЦУХА «Я И ПЕРЕСТРОЙКА»**

Г.Р.МЕДЖИДОВА

Бакинский Славянский Университет

Одним из центральных творческих стимулов русской прозы явился клич, брошенный ещё древними греками: «Всё подвергай сомнению». Опыт античной риторики, по всей видимости, пригодился нынешнему поколению писателей-прозаиков, и в целом ряде своих произведений они действительно многие стороны нашей жизни стали подвергать сомнению. Об этом, между прочим, заговорили не только сами теоретики, но и творцы. Так, Виктор Ерофеев признавался: «Новая русская литература засомневалась во всём без исключения: в любви, детях, вере, церкви, культуре, красоте, благородстве, материнстве, народной мудрости. Её скептицизм – это двойная реакция на данную русскую действительность и чрезмерный морализм русской культуры» [1, 237].

Как видим, сомнению подвергаются основы жизни. Отсюда вытекает и ироничный взгляд на воспитательно-эстетические функции классики, так как в XIX столетии русскую литературу больше всего, несомненно, волновали вопросы нравственного характера. Так, в русле постмодернизма возникло и набирает силу одно из его альтернативных течений, получивших в теории литературоведения название «иронический авангард», в котором на массовый российский скептицизм, недоверие, сомнение и негативизм писатели, как в замочную скважину, посмотрели с мягкой иронией, впрочем, не порывающей связей с ангажированностью.

«Цель «иронического авангарда», - пишет И.И.Яценко, - разоблачение фальшивых ценностей, которые провозглашались официальной литературой (к их числу можно отнести и миф о всеобщем будущем счастье, и миф о человеке – творце своего счастья). Разоблачение это, - продолжает критик, - достигалось достаточно необычными для традиционной литературы средствами: использованием жанра сказа, открытым пародированием идеологизированной лексики, использованием городского сленга, смешением разных стилей речи, обращением к ситуации анекдота» [2,8].

Ярким примером может служить рассказ В.Пьецуха «Я и перестройка». Помимо генерализации основной идеи, реализуемой в рамках данного течения, рассказ интересен нам ещё и тем, что в нём находим средоточие некоторых мифологем. По словам составителя настоящего сборника рассказов о «нетрадиционной русской прозе», в произведении В. Пьецуха разоблачаются

мифы о «кухарке, управляющей государством», о «русских самородках» и, в конечном счёте, миф о том, что человек рождён для счастья» [2, 20].

В рассказе показан тип примитивного обывателя наших дней, которому «море по колено» до правительственных дел, однако, считающему себя важной персоной в правительстве. Надо признать, он не лишён некоторой природной сообразительности, что позволяет герою тонко инсценировать звонок из министерства. Высшая цель спектакля – привлечь к себе внимание супруги, которая никогда не верила в его мнимые таланты; программа минимум предусматривает низменные инстинкты – вырваться из дома к алкоголикам. Но Разоблачение «нехитрого приёма» приходит очень скоро, и главное действующее лицо понимает, что вся затея с театральным действием была напрасной.

Итак, мы становимся свидетелями функционирования по меньшей мере трёх мифологем. Попытаемся определить, какую же роль они играют в названном сочинении «малой формы» с целью воплощения стержневой идеи Разоблачения героя-обывателя. Комический эффект строится на том, что обыкновенный рабочий, абсолютно не владеющий основами современной экономической теории, неожиданно для всех занялся «проектом радикальной реформы». Он, естественно, высокопарно именуется «государственным человеком», хотя никакого отношения к этому высокому роду деятельности не имеет. За обман жены, по мысли автора, он не испытывает ни чувства стыда, ни угрызений совести. И потому комизм нестандартной ситуации проявляется в данном случае в том, что Пьецух в жанре сказа, помогающему ему глубже проникнуть в психологию рассказчика, пародирует когда-то популярный ленинский лозунг о вероятностной допустимости даже «простой кухарки управлять государством».

Тем самым некоторые отдельные образцы «иронического авангарда» позволяют отразить готовые штампы отдалённого советского периода и трансформировать их в современной и, самое главное, весьма унылой российской действительности. Понять этот переход нам позволяет уже смежный с ним миф, переворачивающий с ног на голову представление о том, что человек только в мире социализма неизменно рождён для счастья. Эта также десятилетиями муссируемая доктрина, но какое свежее решение на мифологизированной основе найдено автором. Хотя основным средством развенчания мифов и является ирония, точнее, насмешка над неудачной попыткой героя одурачить жену, да и сюжет построен на коллизии анекдота, общая картина жизни оказывается безрадостной. Жизнь для этого лже-чиновника – приземлённое и бессмысленное существование. Дополняет мрачный фон суровой русской действительности «малых городов» тупое безразличие супруги, вынужденной терпеть присутствие мужа-алкоголика, контролируя его поведение.

В.Пьецух в подтексте предлагает читателю задаться вопросом, как же могла сложиться такая анекдотичная и одновременно с тем удручающая ситуация? Ведь, в конце концов, в обстановке «русской бытовухи» существо поставленной проблемы не исчерпывается хитросплетениями «телефонного хулигана». Как можно было убедиться из отмеченного, суть рассказа значительно глубже, а рельефнее её поясняет, на наше усмотрение, третья мифологема, которую мы вслед за автором озаглавим как «русский самородок».

Этот пресловутый ярлык с шовинистическим умыслом в своё время навешивался русофобами отдельным представителям интеллигенции. Цель его в бывшее советское время была достаточно прозрачной, однако, современных

позиций для нас очевидно, что в рекламируемых псевдо талантах проявлялась не столько национальная специфика русских (среди которых, между прочим, в действительности было немало способных и недооценённых людей), сколько результат того лицемерия, на котором воспитывались целые поколения.

Хрестоматийная ополитизированная формулировка с течением времени была мифологизирована, и с её своеобразной, так сказать, «авангардистской» трактовкой мы и встречаемся в этом рассказе. Главный герой индивидуалист и эгоцентрист, возмнивший себя «русским самородком». У него нет и тени сомнения в том, что представленный им на рассмотрение государственных чинов проект «революционный». Но Пьецух парой лаконичных и жёстких фраз превращает завышенное самомнение «рационализатора» в обыденный семейный курьёз. Горе-изобретатель, собственно говоря, и не мог добиться реального успеха, потому что на самом деле, как пишет автор, является «графоманом», несущим на своих плечах «нечеловеческие нагрузки». Как нам представляется, Пьецух удачно развивает выше названную мифологему, причём, в форме язвительного пренебрежения к «маленьким Наполеонам», доказывая: чем ниже уровень интеллектуального развития, тем категоричнее он судит о политике, экономике и культуре.

С позиции сохранения специфической манеры письма, характерными, на наш взгляд, являются некоторые художественные приёмы, присущие постмодернистским писателям. Прежде всего, вернёмся к той «пестроте стилевых наслоений», о которых мы уже сказали выше. В анализируемом рассказе обнаруживается смешение торжественной патетики, просторечий и молодёжного сленга. Благодаря неожиданному (на первый взгляд, вроде как и не к месту!) вкраплению в текст рассказа таких «словесных выбросов», как «закеросинил», «запой», «корпеть», «ежу понятно», выражений с откровенно издевательским смыслом, типа «плодоносящий российский ум не дремал» в прямом сопоставлении с низкопробным действием, скажем, появился герой с «молотком для отбивания мяса» и т.п., умело и новаторски раскрывается пустота демагогических рассуждений центрального действующего лица. Дополнительную характеристику придаёт и такой немаловажный языковой фактор, как повтор. И не только отдельные слова или выражения, но и вся анекдотическая ситуация в процессе телефонного разговора, повторяется, варьируясь в своих художественных оттенках.

Достаточно вспомнить, что повтор в литературе обуславливается, как правило, жанровой природой сказа, безусловно, близкого к мифо-фольклорной традиции. Кроме того, понятно, что цель повтора в неоднократно «прокручиваемой ситуации» обмана способствует усилению иронического подтекста. Мы видим, как «русский самородок» на самом деле оказывается обыкновенным пьяницей, пасующим перед своей женой. Все его помыслы направлены не на «служение государству», а на изобретение всевозможных способов любыми праведными и неправедными путями вырваться из дома, чтобы встретиться с себе подобными.

Если умозрительно «подтянуть» основную направленность рассказа «Я и перестройка» к мифологии, то можно отметить ещё и ассоциативную связь со знаменитым античным жанром, получившим в мифо-фольклорной традиции наименование «Менипповой сатиры». Предание связывает его с творчеством философа-киника Мениппа (ориентировочно III век до н.э.). В современной ли-

тературной трактовке мифологемы, заимствованные греческим поэтом, позволяют видеть подобное произведение смешанным по форме (в виде балансировки между стиховым размером и прозаическим текстом) и комико-сатирическое по содержанию, в котором, как писал М.Бахтин, «кусают, смеяьсь» [3, 120].

В современной прозе мифологическую традицию античного жанра связывают с такими произведениями, в которых лёгкая и непритязательная ирония и сопровождающая её буффонада (или клоунада) ниспровергают отживающие идеалы и обветшавшие догмы. На наше усмотрение, рассказ «Я и перестройка» – лишнее тому подтверждение. Поведение главного героя, как видим, всё же не подвергается суровой обструкции со стороны автора. В то же время неудачный провокационный эксперимент высмеивается методом тонкой и незлобивой иронии при явном обнаружении элементов буффонады (комикс с «телефонной ошибкой»). Игровой сюжет ярче подчёркивает пластичность изображения событий. Мир реальный соприкасается с условно виртуальным, бытовая ситуация перечёркивается нематериальным миром, ирреальным видением автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерофеев В.В. В лабиринте проклятых вопросов. М.: Советский писатель, 1990. 448 с.
2. Яценко И.И. Русская традиционная проза. Санкт-Петербург: Златоуст, 2004. 166 с.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 423 с.

“İRÖNİK AVANQARD” POSTMODERNİZMİN ALTERNATİV CƏRƏYANLARINDAN BİRİ KİMİ VƏ ONUN V.PYESUXUN “MƏN VƏ YENİDƏNQURMA” HEKAYƏSİNDƏ ƏKSİ

Q.R.MƏCIDOVA

XÜLASƏ

Post sovet mədəni mühitində rus ədəbiyyatında hal-hazırkı situasiyanın estetik tələblərinə cavab verən bir-birlərinə əks yanaşmalar mövcud idi. Rus postmodernizmi güclü emosiyalar, həyəcanlı ehtiraslar dünyasıdır. Bu özlüyündə dövrümüzün reallıqlarının təsviri şəkildə bir-birlərinə uyğunlaşan pozitiv və neqativ qiymətlərin gözəl nümunəsidir.

“IRONIC AVANGARD” AS ONE OF THE ALTERNATIVE PERIOD OF POSTMODERN AND ITS ALTITUDE TO THE TEXT “I AND COEXISTANCE” BY V.PYECHUKHA

G.R.MEJIDOVA

SUMMARY

In the Russian Literature of the postsoviet cultural space continuous the coexistence of the mutually exclusive attitude to the affirmation of mostly acceptable nowadays situation of the aesthetic criteria.

Russian postmodern literature is the world of powerful emotions and lively passion and in some sense of the word is, a brilliant sample of harmonic and, in the same time, paradoxically combined – positive and negative values in the process of artistically reflected reality of our life.